

УДК 811.511.11
doi 10.17072/2073-6681-2024-2-16-27

EDN IRWPXV

К вопросу о пространственных отношениях в финском языке

Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 1ВГ)

Наталья Вениаминовна Белкина

к. пед. н., доцент кафедры языков Северной Европы

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48. belkina-natalia@yandex.ru

SPIN-код: 9094-6553

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1080-1458>

ResearcherID: HTP-0859-2023

Анна Сергеевна Лалым

к. пед. н., доцент кафедры языков Северной Европы

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48. Anna.lalym@yandex.ru

SPIN-код: 3085-5452

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2858-5445>

ResearcherID: HTR-8690-2023

Наталья Андреевна Осьмак

к. филол. н., заведующий кафедрой языков Северной Европы

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48. Nataliaosmak@herzen.spb.ru

SPIN-код: 5134-8922

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1436-6225>

ResearcherID: AAC-4240-2019

Статья поступила в редакцию 10.07.2023

Одобрена после рецензирования 14.10.2023

Принята к публикации 11.01.2024

Информация для цитирования

Белкина Н. В., Лалым А. С., Осьмак Н. А. К вопросу о пространственных отношениях в финском языке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 2. С. 16–27. doi 10.17072/2073-6681-2024-2-16-27. EDN IRWPXV

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного обзора с позиции лингвокультурологии основных принципов реализации пространственных отношений в финском языке через языковые средства и категории. Проблема представляет особый интерес, поскольку в финском языке, имеющем эгоцентрическую пространственную ориентацию, до сих пор ведется оживленная дискуссия относительно правил применения тех или иных падежей в связи со значительной ролью диалектов. Целью исследования являлось изучение случаев несовпадения пространственных представлений о направлении действия в пространстве между разными лингвокультурами на примере финской и русской лингвокультур. Методика работы включала количественный анализ конкурентных форм. Материалом анализа послужил корпус газетных текстов YLE 2011–2020. В ходе исследования рас-

смаивались случаи несовпадения представлений на примере глагольно-именных единиц, глаголов чувственного и конкретного восприятия (*vaikutelmaverbit*), а также вариативность глагольного управления последних и глагола *käydä*, традиционно презентуемого как «статичный», однако реализующего свои динамические качества в других коллокациях. Результаты анализа показали, что система пространственных отношений в финском языке имеет лингвокультурологическую специфику и грамматически выражается местными и неместными падежными формами, предложениями и послелогоми, а также глагольно-именными синтаксическими единицами. Одно и то же имя в форме внутреннего и внешнего падежа может передавать не только разные грамматические, но и разные лексические значения. Использование местных падежей с конкретными глаголами придает глаголу или выражению переносное значение, которое лишь отдаленно ассоциируется с положением в пространстве.

Ключевые слова: финский язык; пространственные отношения; падежная система; глагольное управление; лингвокультурология.

Введение

Давно не подвергается сомнению факт, что язык, отражая картину видения мира, является своего рода ключом к познанию менталитета конкретного народа. Уже в XIX в. немецкий философ и филолог В. фон Гумбольдт утверждал: «Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [цит. по: Зыкин 2015]. Эта мысль в дальнейшем развита в работах Л. Вайсгербера в Германии, Ф. Боаса, Э. Сепира и Б. Уорфа в США [цит. по: Шаропова 2015].

До настоящего времени не утихают споры вокруг гипотезы лингвистической относительности, известной как гипотеза Сепира – Уорфа. Сформулированы два ее варианта: сильный и слабый, различающиеся глаголом. В сильном варианте утверждение гласит, что язык определяет мышление, а в слабом – что язык влияет на мышление [Шаропова 2015]. Языковая картина мира – система, фиксирующая результаты работы сознания, но не самостоятельное пространство [Любимова, Бузальская 2011].

Попытки подтвердить или опровергнуть эту гипотезу породили большое количество лингвистических исследований, касающихся различных областей осознания объективной реальности. Одна из таких областей – определение системы пространственных отношений в языке. В зависимости от языка выделено три типа таких систем: эгоцентричная, географическая и ландшафтная [Бурас, Кронгауз 2011]. Два типа систем – географическая и ландшафтная – представлены намного реже, в экзотических языках. При географической ориентации говорящий располагает все предметы по сторонам света: север, юг, восток и запад, а при ландшафтной ориентирами выступают наиболее заметные элементы ландшафта: гора, море или же вершина/подножие холма. Крупные ориентиры (к морю от носа) используются и для маленьких объектов и малых расстояний [там же: 1].

Большинство языков, как и финский, имеют эгоцентричную (по отношению к говорящему)

систему ориентации в пространстве. Другими словами, в «эгоцентричных» языках используют слова типа «право», «лево», «спереди», «сзади», «сверху», «снизу». Если человек говорит «справа от памятника», то имеется в виду то, как человек смотрит на памятник.

Происхождение и семантика многих грамматических конструкций и падежных образований, выражающих пространственные отношения современного финского языка, до сих пор остаются предметом оживленной дискуссии. У. Никанне анализирует систему осей, лексикализованную в семантике финских послелогов [Nikanne 2003], М. Л. Хеласвуо и Л. Кэмпбелл исследуют, как грамматика отражает истолкование говорящим ситуации пространственных отношений и местоположения [Helasvuoto, Campbell 2006]. Э. Туури описывает вариации в использовании систем отсчета (объектно-ориентированные, ориентированные на точку зрения и геоцентрические) в финских описаниях движения и связывает вопросы вариаций с типологическими рамками [Tuuri 2023]. Исследовательская группа М. Рейле приводит результаты лингвистического эксперимента, выявляя различия в употреблении относительных предложений в эстонском, финском и русском языках в системе описания пространства. В финском языке количество придаточных предложений было минимально за счет использования падежных форм и послеложных конструкций [Reile et al. 2019]. Интересным также является анализ метафоры движения времени в сравнении с системой временных рамок отсчета, на материале которого Т. Хуумо исследует пространственные и временные функции финских проективных прилагательных [Huuto 2015].

Мы предполагаем, что к числу особенностей выражения пространственных отношений в финском языке могут быть отнесены: 1) отражение пространственного значения в том числе конструкциями с глаголами чувственного восприятия; 2) изменение семантики глагольно-именных групп, связанное с особенностями грамматиче-

ского выражения пространственной системы в финском языке.

Описание материала исследования

В современном финском языке существует 14, а по некоторым данным – 15 падежных форм, имеющих как свое базовое значение, так и замещающие значения основных индоевропейских предлогов, в том числе определяя место в пространстве. Разногласия по поводу количества падежных форм в финском языке вызваны разным подходом к падежу аккузативу, который в некоторых аутентичных грамматиках не является самостоятельным. Падежи делятся на структурные и семантические, которые, в свою очередь, подразделяются на местные (внутренние и внешние) и неместные [Holmberg, Nikanne 1993]. Падежное разделение подчинено достаточно четким принципам, однако при детальном анализе и разложении на составные элементы некоторых грамматических конструкций очень часто можно встретить слова, для понимания которых необходимо обратиться к исторической морфологии, к примеру, к историческому падежу локативу, имеющему окончание *-na/nä* и отвечающему на первичные вопросы *где?* и *когда?*, а также вторичные вопросы *с кем/с чем?*. Локатив нашел свое отражение в таких современных падежах, как эссив, комитатив, инструктив и генитив. Например, *tänä vuonna* ‘в этом году’ и *torstaina* ‘в четверг’, *musliimi vaimoineen* ‘мусульманин со своими женами’, *omin silmin* ‘своими глазами’ и пр.

Еще одним древним падежом, выражающим в том числе пространственное значение и имеющим непосредственное отношение к современном партитиву, является падежная форма делатива, с окончанием *-ta/tä*. Изначально падеж имел очень широкий диапазон употребления: обозначение места (*isän luota* ‘от отца’), использование в сравнительных конструкциях типа *minä olen häntä vanhempi* (дословно: ‘я от него старше’), с неисчисляемыми существительными (*tämä on lihaa* ‘это – мясо’ (не все, а только некоторое количество)).

Древняя падежная форма латива, оканчивающаяся на *-ka/kä* или *-k*, в свою очередь, нашла свое отражение в падежных окончаниях местных падежей, отвечающих на вопрос *куда?*, однако также его можно встретить в примерах с послелогами: *äidin luo* (из *luok* – ‘к матери’) [Бубрих 1955: 11–15].

Условно все 15 падежей в финском языке также можно разделить на грамматические и семантические [Братчикова 2011: 30], и если падеж партитив является в большей степени падежом грамматическим, то большинство других падежей носят семантический характер и указывают

прежде всего на положение тела в пространстве или направление его движения относительно других предметов, а также отношения и взаимосвязь между предметами.

Однако, несмотря на такое падежное разнообразие, в финском языке очень востребована система предлогов и послелогов, требующих исключительно падежных форм генитива или партитива в позиции до или после себя. Напомним, что послелогов, как и предлоги, являются служебной частью речи, выражающей синтаксические отношения между существительным, местоимением, числительным и другими словами, и различаются по позиции относительно слова, к которому относится [Karlsson 2013: 265]. При этом генитивные послелогов употребляются во всех видах речевой деятельности чаще всего.

Примечательно, что некоторые генитивные послелогов могут одинаково успешно одновременно выступать в качестве генитивных предлогов, например: *muistot säilyvät läpi vuosien* ‘воспоминания сохраняются через года’, *aurinko paistaa ikkunan läpi* ‘солнце светит через окно’.

Многие предлоги и послелогов сами могут иметь падежные окончания преимущественно внутриместных и внешнеместных падежей, а также присоединять притяжательные суффиксы, если они выступают с личным местоимением, например:

Pöydän keskellä on lasi vettä. – *Посреди стола стоит стакан с водой.*

Panin lasin vettä pöydän keskelle. – *Я поставил стакан с водой на середину стола.*

Подводя итог, необходимо отметить, что многие предлоги и послелогов, как и падежи, несут в себе отпечаток древних локатива, делатива и латива, что определенно затрудняет их изучение во всей вариативности оттенков значений, и, конечно, запоминание в процессе обучения. Однако большинство конструкций при анализе и разложении на составные элементы все же отражает определенную логику финского языка.

Тем не менее фрагменты одного и того же языка могут противоречить друг другу. Например, в русском языке предполагается, что небо в значении ‘небосвод’ имеет плоскую природу. Мы говорим, что *облака плывут по небу*, а *солнце на небе*. С другой стороны, интерпретация неба как пространства тоже возможна. Так, можно сказать *высоко в небе* или *самолет взмыл в небо*.

Подобные примеры можно найти и в финском языке. Вариативность, по мнению ряда ученых [Аругюнова 1976; Кураков, Дементьева 2003 и др.], связана с когнитивными и онтологическими истоками возникновения явления глагольного управления. Сторонники данной точки зрения утверждают, что человек вне зависимости от

культуры, к которой он принадлежит, воспринимает мир через некоторый набор универсальных концептуальных структур, что объясняется, с одной стороны, тем, что окружающий мир является одинаковым для всех людей, а с другой – спецификой устройства мозга человека, предполагающей наличие определенных способностей [Кураков, Дементьева 2003: 101]. Однако дальнейший когнитивный процесс различается: происходит классификация полученной информации в виде концептов и сцен, а затем распределение данных сцен по фреймам, то есть по способам видения их реализации. Поскольку в фреймах заложены роли участников события и их семантические роли, возникает основа для формирования валентности глагола, которая чаще всего выражается на морфолого-синтаксическом уровне в виде глагольного управления [там же: 102].

Различия в концептосферах разных лингвокультур объясняют специфику реализации валентности в разных языках, что отражается в «необычности» постановки того или иного падежа для носителя другой языковой картины мира. Это касается и применения местных падежей, казалось бы, в не свойственных им пространственных значениях в финском языке.

Одной из групп глаголов, управление которых традиционно вызывает недоумение у носителей русского языка, являются глаголы восприятия, так называемые *vaikutelmaverbit*, которые, в свою очередь, подразделяются на глаголы чувственного восприятия (например, *haista* ‘пахнуть’, *tuoksua* ‘благоухать’, *maistua* ‘быть на вкус’, *löyhkätä* ‘вонять’) и общего восприятия (например, *kuulua* ‘слышаться’, *näyttää* ‘казаться’, *näkyä* ‘виднеться’, *tuntua* ‘чувствоваться’, *vaikuttaa* ‘производить впечатление’). Зачастую такие глаголы используются вместе с предикативным обстоятельством (например, для глагола *vaikuttaa* в данном значении оно является обязательным), которое по правилам ставится в форму аблатива (*-lta/ltä*) или аллатива (*-lle*) и отражает то, каким что-то кажется или является на вкус, запах, слух и пр. В русском языке аналогичное значение передается при помощи творительного падежа, которому в функции «инструмента действия» в финском языке соответствует адессив (*-lla/llä*). Указанная вариативность отмечена в том числе в словарях [Jönsson-Korhola, White 2006], в частности для глаголов *maistua*, *tuoksua*, *haista*, то есть именно для глаголов чувственного восприятия.

Результаты анализа материала

Для того чтобы оценить реальную картину употребления определенных падежных форм, а также упоминаемую вариативность, целесообразно обратиться к корпусу, представляющему

современный финский язык. Источником подобного материала стал корпус финноязычных новостей YLE 2011–2020 гг. (YLE). Интересным показалось провести сопоставительный анализ глаголов, представляющих две подгруппы в рамках общей группы глаголов восприятия, с целью определения сходств и различий в их функционировании.

Из группы глаголов чувственного восприятия для анализа был выбран глагол *tuoksua* ‘пахнуть, благоухать, издавать запах’ [Вахрос, Щербаков 1975: 660], вариативность управления которого для последующего предикативного обстоятельства отмечается как в специальных словарях глагольного управления, так и в контекстах употребления, представленных в рамках словарной статьи обычного словаря [Kielitoimistonsanakirja; Nykysuomensanakirja 1966: 56]. Методом сплошной выборки были отобраны первые 500 контекстов употребления глагола *tuoksua* (в том числе в составе причастных конструкций) как в сопровождении предикативного обстоятельства, так и без. Наиболее частотным оказалось употребление без предикативного обстоятельства – 272 контекста (54,4 %), например:

Turun Aurajoen rannassa tuoksuvat orvokit. – На берегу Аурайоки в Турку благоухают фиалки (YLE).

Следующим по частотности стало употребление предикативного обстоятельства в аблативе (*-lta/ltä*), представленное в 170 контекстах (34 %). Приведем несколько примеров для наглядности:

Ne paperit tuoksuvat itkulta ja hieltä. – Эти бумаги пахнут слезами и потом (YLE).

Аналогичное лексическое значение передается при помощи форм аллатива (*-lle*) в 58 контекстах (11,6 %), среди которых:

Muös vaatteen tuoksuvat pesuaineille. – Также одежда пахнет средством для стирки (YLE).

Как показал анализ контекстов употребления, семантика глагола остается одинаковой вне зависимости от грамматической формы предикативного обстоятельства (*-lta/ltä* или *-lle*), однако ни тот, ни другой вариант не облегчает запоминание для носителей русского языка, поскольку не соответствует привычному нам фрейму.

Отдельно хотелось бы отметить встретившийся единичный контекст, в котором значение передается при помощи партитива:

Maa tuoksuu vahvaa kosteutta, joka sakenee raikoin tunkkaiseksikin. – Земля пахла сильной сыростью, которая местами сгущалась до затхло-сти (YLE).

Подобный случай глагольного управления также фиксируется в примерах в рамках словарных статей: *Huone tuoksuu puhtautta. – Комната пахла чистой.* [Nykysuomensanakirja 1966: 56],

однако никаких данных, конкретизирующих особенности семантики, не приводится. Этот вопрос является открытым и требует дальнейшего изучения в том числе в отношении других глаголов данной группы.

Из группы глаголов общего восприятия для анализа был выбран глагол *tuntua*, у которого фиксируется целый ряд значений: «1) чувствовать, ощущаться; 2) быть на вкус, на ощупь; 3) (по)казаться; 4) чувствоваться, быть заметным» [Вахрос, Щербаков 1975: 660]. Несмотря на то что традиционные словари глагольного управления предлагают только один нормативный вариант падежной формы, а именно аблатива (-*lta/ltä*) [Jönsson-Korhola, White 2006: 138], в словарных статьях можно встретить и контекст употребления аллатива (-*lle*). Например, *tuntuu nololta, nololle lähteä* ‘кажется неловким уйти’ и *jk tuntuu (käteen) karkealta, kostealta t. karkealle, kostealle* ‘что-то кажется наощупь жестким, влажным’ [Kielitoimistosanakirja].

Обращение к корпусу показало, что, как и в случае с глаголом *tuoksua*, наиболее частотным является употребление, не связанное с предикативным обстоятельством, а именно 265 контек-

стов из 500 (53 %), среди которых достаточно разнородные конструкции:

Se tuntui saavan illan parhaat aplodit. – *Казалось, что он получит лучшие аплодисменты вечера* (YLE).

Aluksi tuntui, että täällä on helppoa, mutta koko ajan meiltä vaaditaan enemmän. – *Сначала казалось, что здесь легко, но все время от нас требуют большего* (YLE).

Употребление форм аблатива (-*lta/-ltä*) встретилось в 225 контекстах (45 %):

Systeemi ei tuntunut kauhean vankalta. – *Система не казалась ужасно устойчивой* (YLE).

И наконец, форма аллатива (-*lle*) встретилась лишь в 10 контекстах (2 %), что существенно меньше, чем для глагола *tuoksua*:

Päätöksen pitää tuntua sataprosenttisesti oikealle. – *Решение должно казаться стопроцентно правильным* (YLE).

Случаев использования партитива, аналогичных упомянутому выше контексту, для глагола *tuoksua* не встретилось.

Для наглядности можно представить отмеченную вариативность в виде диаграммы (рис. 1).

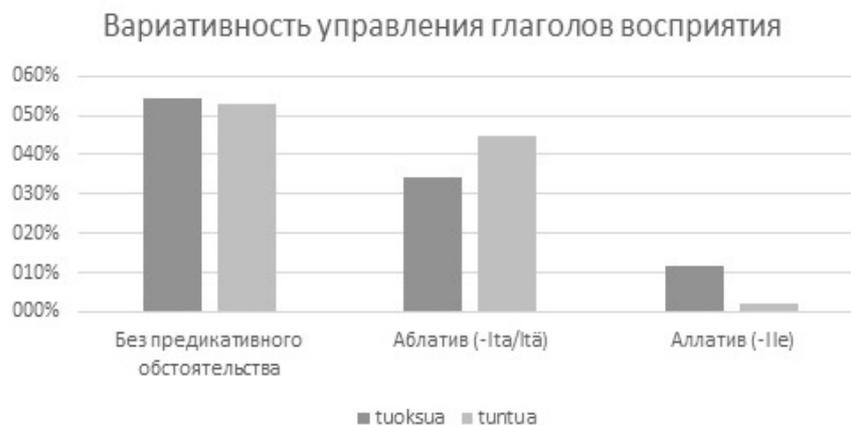

Рис. 1. Вариативность управления глаголов восприятия
Fig. 1. Variability of verb control for verbs of perception

При этом все анализируемые случаи глагольного управления демонстрируют специфику финской языковой картины мира и особенности отражения в ней пространственных отношений.

Еще одним примером является падеж элатив, который обычно имеет значение ‘из чего-то’ и подразумевает движение изнутри наружу. При движении через отверстие будет употребляться как при ориентации внутрь, так и наружу по отношению к говорящему.

Сравним два предложения:

Kissa hyppäsi ikkunasta keittiöön. – *Кошка прыгнула из окна в кухню (была во дворе).*

Kissa hyppäsi ikkunasta pihalle. – *Кошка выпрыгнула из окна во двор (была на кухне).*

Направление движения в указанных примерах определяется падежом места назначения.

При выборе внутреннего или внешнего падежа обычно руководствуются сложившимися семантическими связями. Так, если речь идет об «открытом» пространстве (*tie* – ‘шоссе’, *katu* – ‘улица’, *laituri* – ‘платформа’), используются внешние падежи, а если о «закрытом, замкнутом» пространстве (*talo* – ‘дом’, *kauppa* – ‘магазин’, *kerros* – ‘этаж’) – внутренние падежи.

Одна и та же пространственная локация может быть как открытой, так и закрытой. Например, в зависимости от конструкции существительное *hylly* ‘полка в шкафу’ может употребляться и в форме адессива, и в форме инессива:

‘на полке’ – *hyllyllä* – речь об открытой полке на стеллаже, а *hyllyssä* – ‘в полке’ – речь, например, о застекленной полке книжного шкафа. Аналогично происходит со словом *sänky* – ‘кровать’, *sängyssä/sängyllä* – ‘в/на кровати’ и др. [Sisä- vai ulkopaikallissija].

Но иногда от выбора внешнего или внутреннего падежа может меняться значение, выраженное падежной формой, семантика лексемы или позиционироваться место говорящего, что говорит об оригинальности пространственного восприятия в финском языке, не всегда поддающегося логике русского языка.

Приведем примеры изменения значений, передаваемых разными падежными формами.

Так, внешний падеж может употребляться в значении вида транспорта *metrolla/metrossa* – ‘на метро / в метро’ или инструмента: *silmillä/silmissä* – ‘глазами / в глазах’.

Различие в семантике местных падежных форм проявляется с лексемами, обозначающими общественные здания (например, офис или школа). Внутренние падежные формы используются, чтобы подчеркнуть назначение здания, а внешние

указывают местоположение говорящего относительно здания. Продемонстрируем это на следующих примерах инессивной и адессивной форм:

Äiti on toimistossa. – Мама в офисе (работает).

Äiti on toimistolla. – Мама в офисе (может быть, просто болтает или занимается делами, не связанными с работой) [Korhonen 2021].

Изменение семантики склоняемого слова можно проследить в ряде других случаев. Одним из хрестоматийных примеров является единица *maa*, которая при употреблении в форме внутреннего падежа передает значение «страна», например:

Maassa taan tavalla. – В стране жить надо по обычаям этой страны (поговорка).

Если же данная лексема употребляется в формах внешних падежей, то речь идет о деревне, пригороде, например:

Viikonloppuna me mennään maalle. – На выходных поедem за город.

Часть найденных нами примеров изменения значения в зависимости от выбора внешнего или внутреннего падежа представлена в таблице [KOTUS].

Изменение семантики лексемы в зависимости от внешнего или внутреннего падежа Changes in the semantics of a lexeme depending on the external or internal case

Лексема	Падежная форма	Пример
<i>Taivas</i> небо/небеса	<i>taivaalla</i>	<i>Lintu lensi taivaalla.</i> – Птица летела по небу
	<i>taivaassa</i>	<i>Sielu lepäsi taivaassa.</i> – Душа покоилась на небесах
<i>Kaupunki</i> город / центр города	<i>kaupunkiin</i>	<i>Lönnrot matkusteli kaupungista kaupunkiin, kylästä kylään.</i> – Лённрот путешествовал из города в город , из деревни в деревню
	<i>kaupungille</i>	<i>Mennään sunnuntaina kaupungille ostoksille!</i> – Давай поедem в воскресенье в центр , пройдем по магазинам
<i>Meri</i> море /водная гладь	<i>meressä</i>	<i>Kesällä me uidaan meressä.</i> – Летом мы купаемся в море
	<i>merellä</i>	<i>He ovat jo merellä veneilemassa.</i> – Они уже в море (на воде), плывут на лодке
<i>Ikkuna</i> окно/подоконник	<i>ikkunaan</i>	<i>SOLAR on ikkunaan asennettava hyttysverkko.</i> – SOLAR это москитная сетка, устанавливаемая на окно
	<i>ikkunalle</i>	<i>Pane kynttilät ikkunalle.</i> – Поставь свечи на подоконник
<i>Sivu</i> сторона/страница	<i>sivusta</i>	<i>Me EU: ssa emme voi seurata tilannetta vain sivusta.</i> – Мы, в комиссии ЕС не можем следить за этим только со стороны
	<i>sivulta</i>	<i>Tästä todellakin katsotaan sivulta 16.</i> – Об этом разъясняется на 16 странице
<i>katto</i> потолок/крыша	<i>kattoon</i>	<i>Lamppu ripustettiin kattoon.</i> – Лампу подвесили на потолок .
	<i>katolla</i>	<i>Kissa hyppäsi katolle.</i> – Кошка запрыгнула на крышу
<i>Metsä</i> лес/охота	<i>Metsään</i>	<i>Meidän pitää lähteä retkelle metsään.</i> – Нам надо пойти на прогулку в лес
	<i>metsälle</i>	<i>Mennään metsälle=metsästämaan!</i> – Пойдем на охоту!

В нижеследующих примерах при выборе внутреннего или внешнего падежа уже можно судить о месте нахождения говорящего.

Если говорящий находится на воде (в море, озере и т. д.), то употребляется форма внутреннего падежа: *ranta* (*rannassa, rannasta, rantaan*),

а если на суше, на берегу – форма внешнего падежа: *rannalla, rannalta, rannalle*. Ср.:

Laiva menee rantaan. – Корабль идет к берегу.

Mennään rannalle ottamaan aurinkoa ja uimaan.
– Давайте пойдём на берег (пляж) загорать и купаться (KOTUS).

Когда кто-то находится рядом с чем-то, мы можем использовать форму внешнего падежа. Если вы встречаетесь с другом *kirjakaupassa* ('в книжном магазине'), вы должны встретиться именно в магазине, внутри. Напротив, встреча *kirjakaupalla* ('на книжном магазине') означает, что вы встречаетесь за пределами книжного магазина, может быть, у входной двери или в непосредственной близости от нее.

Употребление внешних падежных форм со словами *marja* 'ягода', *sieni* 'гриб', *kala* 'рыба', *onki* 'удочка' встречается в выражениях, обозначающих сбор природных даров. Так, *mennä marjaan/sieneen* означает 'ходить за ягодами/грибами', а *mennä kalaan/onkiin* – 'идти на рыбалку'.

Формы внешних падежей слов, обозначающих еду и напитки, образуют выражения, эксплицитно приглашающие к употреблению этих напитков/еды *mennä kahville/kaljalle/oluelle/leivoksille/aamiaiselle*. Так, *mennään kaljalle* означает 'пойдем, выпьем пива', а приглашение *kahville!* означает, что кофейный стол накрыт [Korhonen].

Таким образом, при использовании форм местных падежей с глаголами движения *mennä* 'идти', *päästä* 'попадать' и пр., а также статичными глаголами *olla* 'быть', *istua* 'сидеть', *käydä* 'посещать' формируется ряд устойчивых выражений, косвенно указывающих на место действия.

Особый интерес при этом вызывает последний из упомянутых выше глаголов, а именно *käydä*. В рамках курсов финского языка знакомство с ним происходит на начальном этапе, что свидетельствует о его актуальности и вхождении в базовый лексический запас. При этом чаще всего учеников знакомят с этим глаголом в значении 'бывать, посещать, ходить', которое требует после себя употребления форм местного падежа, отвечающего на вопрос *missä* 'где'. Однако вариативность управления данного глагола намного шире, при этом значение будет напрямую зависеть от используемой формы.

Обращение к уже упоминаемому корпусу новостных текстов YLE (2011–2020 гг.) и анализ 1000 контекстов употребления показал следующее распределение наиболее частотных случаев глагольного управления и других коллокаций:

1) употребление с формами местных падежей, отвечающими на вопрос *missä* 'где?' – 25,5 %;

2) употребление с инессивной формой III инфинитива – 11,6 %;

3) употребление с формами местных падежей, отвечающими на вопрос *mihin* 'куда?' – 3,8 %;

4) употребление с объектом в партитиве – 8,5 %;

5) употребление с объектом в аккумулятиве – 3,1 %;

6) употребление с существительным в транслативе – 4,1 %;

7) употребление в сочетании с *läpi* – 6,7 %;

8) употребление в сочетании с *ilmi* – 5,2 %.

Для наглядности представим данные в виде диаграммы (рис. 2).

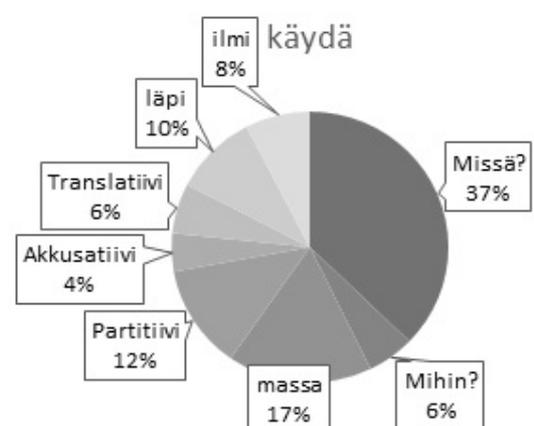

Рис. 2. Количественные данные управления *käydä* на материале корпуса

Fig. 2. Quantitative verb control data for the verb *käydä* based on the corpus material

При этом стоит отметить, что при анализе контекстов, в которых употребление глагола *käydä* сопровождалось формами местных падежей, отвечающих на вопрос *missä*, то есть инессивом или адессивом, не учитывались случаи, когда данные падежи используются во временном значении. Также не принимались во внимание контексты, где встретились устойчивые выражения, речь о которых пойдет ниже.

Отдельно было отмечено употребление инессивной формы третьего инфинитива, поскольку, хотя сохраняется статичность значения глагола *käydä*, акцент делается не на месте, а на процессе в конкретный момент времени:

Luulen, että sen jälkeen kaksi kolmasosaa kävi katsomassa leffan uudestaan. – Думаю, что после этого две трети сходили посмотреть кино заново (YLE).

Как видно из приведенного контекста, пространственное значение, хотя и не является основным, выражено имплицитно, поскольку подразумевается, что все эти процессы происходят в

каком-то пространстве, что соответствует значению инессива.

Использование глагола *käydä* с иллативом и аллативом, отвечающими на вопрос *куда?*, зачастую придает ему переносное значение, не относящееся к направлению в пространстве. В то же время словари фиксируют значения «отправляться, идти, переходить» [Вахрос, Щербаков 1975: 297]. Интересно, что в анализируемом материале встретился только один подобный случай:

Nyt on vain todettava, että pöytä on putsattu ja käytävä töihin. – Сейчас нужно только признать, что стол почищен и нужно идти на работу (YLE).

Отдельно стоит отметить ряд устойчивых выражений, образуемых глаголом *käydä* в сочетании с транслативной формой имени, к которым можно отнести *käydä käsiksi* в значении ‘приниматься, начинать’ и *käydä kaupaksi* – ‘продаваться’. В качестве примера можно привести следующий контекст:

Lasten käytetyt urheiluvälineet käyvät kaupaksi. – Продаются детское подержанное спортивное оборудование (YLE).

Обращает на себя внимание то, что сочетание *käydä käsiksi* требует после себя иллативной (либо аллативной) формы имени, то есть реализует значение места ‘куда’, что также является специфичным для финской лингвокультуры, так как многие глаголы со значением ‘начинать’ требуют аналогичного управления (например, *ruveta*).

К другим частотным выражениям можно отнести *käydä läpi* в значении ‘проходить через что-то, просматривать’ и *käydä ilmi* – ‘выясниться, проясниться’:

Afganistanissa Biden kävi läpi asioita, joita turvallisuusvastuun vähittäinen siirtäminen afganeille edellyttää. – В Афганистане Байден прошел по вопросам, которые предполагают постепенную передачу ответственности за безопасность афганцам (YLE).

Raportista käy ilmi, että vanhemmilla on päävastuu lasten liikkumisesta. – Из отчета стало понятно, что на родителях основная ответственность за передвижение детей (YLE).

Кроме того, среди контекстов встретилось довольно большое количество устойчивых коллокаций, в которых после глагола существительное употребляется в форме местного падежа. Остановимся подробнее на отдельных контекстах.

Liki 80 prosenttia vastanneista asoi verkko-kaupoissa vähintään kerran kuukaudessa, ja lähes puolet käy ostoksilla joka viikko. – Почти 80 процентов респондентов совершают покупки в Интернете не реже одного раза в месяц, и почти половина ходит за покупками каждую неделю (YLE).

On kyllä esitetty jopa sarkkoa, eli palkasta vähennettäisiin, jos käy kerrankin työaikana tupakalla. – Предлагается даже штраф, т. е. вычитание из зарплаты, если хоть раз закуришь в рабочее время (YLE).

В данных примерах выделенные сочетания обозначают ‘ходить за покупками’ и ‘ходить на перекур/покурить’ соответственно. Местное значение адессива выражено имплицитно, можно сказать, что отражается нахождение в процессе покупок или курения, но опять же ‘где-то’. Намного важнее для говорящего акцентировать внимание на процессе, чем на динамике. Аналогичными являются выражения, не встретившиеся в проанализированных контекстах, но часто употребляемые в речи, например: *käydä lenkillä* – ‘сходить на пробежку’, *käydä matkalla* – ‘сходить/зайти по дороге’, *käydä lomalla* – ‘съездить в отпуск’.

Еще одним устойчивым выражением стало сочетание глагола *käydä mielessä*, например:

Joskus on käynyt mielessä, että jotain muutakin voisi tehdä, mutta en minä osaa. – Иногда приходит в голову, что и что-то другое можно было бы сделать, но я не умею (YLE).

Выражение *käydä mielessä*, в котором зависимое слово стоит в форме инессива, можно перевести как ‘приходить в голову’, где по аналогии с предыдущими коллокациями акцент делается на результате, а не на направлении действия.

Следующие выражения можно объединить по направлению местного падежа, везде будет использоваться иллатив или аллатив, однако значение движения в пространстве пропадает.

Venäjän vienti vetää – kotimainen peruna käy vähiin. – Российский экспорт перетягивает на себя – отечественного картофеля становится меньше (YLE).

Eläin saattaa puolistautua ja käydä päälle. – Животное может защищаться и напасть (YLE).

Пространственное значение употребляемых форм падежей частично отражается в направленности действия, поскольку нападение представляет собой движение в сторону объекта, то есть куда-то.

Выводы

Корпусный подход позволил подтвердить нашу гипотезу о лингвокультурологической специфике восприятия пространственных отношений. При общей эгоцентричной системе ориентации в пространстве в финском языке существует ряд особенностей пространственного восприятия.

Система пространственных отношений в финском языке грамматически выражается местными и неместными падежными формами, предло-

гами и послелогоми, а также глагольно-именными синтаксическими единицами.

Развитая система местных падежей делится на «внутренние» и «внешние», причем выбор падежной формы (внутреннего или внешнего падежа) не всегда связывается с указанием на замкнутое или открытое пространство.

Одно и то же имя в форме внутреннего и внешнего падежа может передавать не только разные грамматические, но и разные лексические значения. Ранее не рассмотренная исследователями особая группа единиц, включенная нами в систему пространственных отношений, – это глаголы чувственного и конкретного восприятия, так как предикативное обстоятельство у этих глаголов имеет формы местных падежей.

Анализ 500 контекстов глагола *tuoksua* (группа чувственного восприятия), 500 контекстов глагола *tuntua* (группа конкретного восприятия) и 1000 контекстов глагола *käydä* показал, что использование местных падежей с конкретными глаголами придает глаголу или выражению переносное значение, которое лишь отдаленно ассоциируется с положением в пространстве.

Несмотря на то что во всех случаях мы можем объяснить употребление того или иного падежа, становится очевидно, что подобные случаи требуют особого внимания в практике преподавания финского языка, в том числе на начальных этапах, что обуславливается частотностью и разнообразием используемых падежей и рассмотренных коллокаций.

В перспективе возможно расширение выборки за счет других глаголов групп чувствования и восприятия, а также включение в нее контекстов из других финских корпусов.

Список источников

YLE – Yle Finnish News Archive 2011-2021. URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:lb-2022032206> (дата обращения: 31.03.2023).

KOTUS – Kielitoimiston ohjepankki. URL: <http://kielitoimistonohjepankki.fi/ohje/476> (дата обращения: 25.02.2023).

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.

Братчикова Н. С. Финская падежная парадигма в сопоставлении с русской: грамматические падежи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2011. Вып. 20. С. 30–41.

Бубрих Д. В. Историческая морфология финского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 187 с.

Бурас М., Кронгауз М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности // Наука и жизнь. 2011. № 8. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431410/Zhizn_i_sudba_gipotezy_lingvisticheskoy_otnositelnosti (дата обращения: 25.02.2023).

Вахрос И., Щербаков А. Финско-русский словарь. М.: Рус. язык, 1975. 816 с.

Зыкин А. В. Язык и «дух народа» как объективное и субъективное в социальной философии В. Гумбольдта // EESJ. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-i-duh-naroda-kak-obektivnoe-i-subektivnoe-v-sotsialnoy-filosofii-v-gumboldta> (дата обращения: 15.04.2023).

Кураков В. И., Дементьева О. В. Когнитивные и онтологические истоки глагольного управления // Вестник Волжского государственного университета. Серия 2. 2003–2004. Вып. 3. С. 97–103.

Любимова Н. А., Бузальская Е. В. «Картина мира»: содержание, терминологический статус и общая иерархия ее составляющих // МИРС. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kartina-mira-soderzhanie-terminologicheskij-status-i-obschaya-ierarhiya-eyo-sostavlyayuschih> (дата обращения: 15.04.2023).

Шарапова И. В. Влияние гипотезы Сепира – Уорфа на развитие мировой лингвистики // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (часть 1). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20285> (дата обращения: 25.02.2023).

Jönsson-Korhola H., White L. Tarkista tästä: Suomen sanojen rektioita suomea vieraana kielenä opiskelulle. Helsinki: FinnLectura, 2006. 164 s.

Helasvuo M. L., Campbell L. Grammar from the human perspective: case, space and person in Finnish. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006. 282 p.

Holmberg A., Nikanne U. Case and Other Functional Categories in Finnish Syntax. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1993. 260 p.

Huumo T. Temporal frames of reference and the locative case marking of the Finnish adposition ete- ‘in front of / ahead’ // Lingua. Vol. 164. Pt. A, 2015. P. 45–67. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0024384115001138?via%3Dihub> (дата обращения: 15.06.2023).

Karlsson F. Suomen peruskielioppi. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2013. 343 s.

Kielitoimistonsanakirja. URL: <https://www.kielitoimistonsanakirja.fi/#/> (дата обращения: 31.03.2023).

Korhonen R. Mustikalla ja rokotuksella – yleiskielitalkoiden satoa. URL: <https://www.kielikello.fi/-/mustikalla-ja-rokotuksella> (дата обращения: 15.04.2023).

Nykysuomensanakirja. S-Ö. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1966. 806 s.

Nikanne U. How Finnish Postpositions See the Axis System // Representing Direction in Language and Space. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 191–208.

Reile M. et al. Reference in the borderline of space and discourse: A free production experiment in Estonian, Finnish and Russian / M. Reile, P. Taremaa, T. Nahkola, R. Pajusalu // *Linguistica Uralica*. 2019. P. 185–208. URL: <https://kirj.ee/linguistica-uralica-publications/?filter%5Byear%5D=2019&filter%5Bissue%5D=372&filter%5Bpublication%5D=2969&v=f9308c5d0596> (дата обращения: 15.06.2023).

Sisä- vai ulkopaikallissija? Laitoksessa ja laitoksella. URL: <http://kielitoimistonohjepankki.fi/ohje/475> (дата обращения: 15.04.2023).

Tuuri E. Concerning variation in encoding spatial motion: Evidence from Finnish // *Nordic Journal of Linguistics*. 2023. Vol. 46(1). P. 83–104.

References

Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problemy* [The Sentence and Its Meaning: Logical and Semantic Problems]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 383 p. (In Russ.)

Bratchikova N. S. Finskaya padezhnaya paradigm v sopostavlenii s russkoy: grammaticheskie padezhi [The Finnish case paradigm versus the Russian one: Grammatical cases]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching], 2011, issue 20, pp. 30–41. (In Russ.)

Bubrikh D. V. *Istoricheskaya morfologiya finskogo yazyka* [Historical Morphology of the Finnish Language]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1955. 187 p. (In Russ.)

Buras M., Krongauz M. Zhizn' i sud'ba gipotezy lingvisticheskoy otnositel'nosti [The life and fate of the hypothesis of linguistic relativity]. *Nauka i zhizn'* [Science and Life], 2011, issue 8. Available at: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431410/Zhizn_i_sudba_gipotezy_lingvisticheskoy_otnositelnosti (accessed 25 Feb 2023). (In Russ.)

Vakhros I., Shcherbakov A. *Finsko-russkiy slovar'* [Finnish-Russian Dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1975. 816 p. (In Russ.)

Zykin A. V. Yazyk i 'dukh naroda' kak ob'ektivnoe i sub'ektivnoe v sotsial'noy filosofii V. Gumbol'dta [Language and the 'spirit of the people' as the objective and subjective in the social philosophy of W. Humboldt]. *Eastern European Scientific Journal*, 2015, issue 3. Available at: [https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-i-duh-naroda-kak-obektivnoe-i-](https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-i-duh-naroda-kak-obektivnoe-i)

subektivnoe-v-sotsialnoy-filosofii-v-gumbol'dta (accessed 15 Apr 2023). (In Russ.)

Kurakov V. I., Dement'eva O. V. Kognitivnye i ontologicheskie istoki glagol'nogo upravleniya [Cognitive and ontological origins of verbal government]. *Vestnik Volzhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2* [Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev. Series 2], 2003–2004, issue 3, pp. 97–103. (In Russ.)

Lyubimova N. A., Buzal'skaya E. V. 'Kartina mira': sodержanie, terminologicheskii status i obshchaya ierarkhiya ee sostavlyayushchikh ['The world view': Contents, terminological status and the general hierarchy of its components]. *The World of Russian Word*, 2011, issue 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kartina-mira-soderzhanie-terminologicheskii-status-i-obshchaya-ierarkhiya-eyo-sostavlyayushchikh> (accessed 15 Apr 2023). (In Russ.)

Sharapova I. V. Vliyanie gipotezy Sepira-Uorfa na razvitie mirovoy lingvistiki [The influence of the Sapir-Whorf hypothesis on the development of world linguistics]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2015, issue 2, pt. 1. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20285> (accessed 25 Feb 2023). (In Russ.)

Jönsson-Korhola H., White L. *Tarkista tästä: Suomen sanojen rektioita suomea vieraana kielena opiskelulle* [Check Here: Recitations of Finnish words for Students Studying Finnish as a Foreign Language]. Helsinki, FinnLectura, 2006. 164 p. (In Fin.)

Helasvuo M. L., Campbell L. *Grammar from the Human Perspective: Case, Space and Person in Finnish*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2006. 282 p. (In Eng.)

Holmberg A., Nikanne U. *Case and Other Functional Categories in Finnish Syntax*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1993. 260 p. (In Eng.)

Huumo T. Temporal frames of reference and the locative case marking of the Finnish adposition ete-'in front of / ahead'. *Lingua*, 2015, vol. 164, pt. A, pp. 45–67. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0024384115001138?via%3Dihub> (accessed 15 Jun 2023). (In Eng.)

Karlsson F. *Suomen peruskielioppi* [Basic Finnish Grammar]. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2013. 343 p. (In Fin.)

Kielitoimistonsanakirja [Language Office Dictionary]. Available at: <https://www.kielitoimistonsanakirja.fi/#/> (accessed 31 Mar 2023). (In Fin.)

Korhonen R. *Mustikalla ja rokotuksella—yleis-kielitalokoiden satoa* ['On blueberries' and 'on vaccination' – the result of a joint study of the modern Finnish language]. Available at: [25](https://www.kieli-</p>
</div>
<div data-bbox=)

kello.fi/-/mustikalla-ja-rokotuksella (accessed 15 Apr 2023). (In Fin.)

Nykysuomensanakirja. S-Ö [Modern Finnish Dictionary. S-Ö]. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1966. 806 p. (In Fin.)

Nikanne U. How Finnish postpositions see the axis system. *Representing Direction in Language and Space*. Oxford, Oxford University Press, 2003, pp. 191–208. (In Eng.)

Reile M., Taremaa P., Nahkola T., Pajusalu R. Reference in the borderline of space and discourse: A free production experiment in Estonian, Finnish and Russian. *Linguistica Uralica*, 2019, pp. 185–208.

Available at: <https://kirj.ee/linguistica-uralica-publications/?filter%5Byear%5D=2019&filter%5Bissue%5D=372&filter%5Bpublication%5D=2969&v=f9308c5d0596> (accessed 15 Jun 2023). (In Eng.)

Sisä- vai ulkopaikallissija? Laitoksessa ja laitoksella [Internal or external locative case? In the institution and at the institution]. Available at: <http://kielitoimistonohjepankki.fi/ohje/475> (accessed 15 Apr 2023). (In Fin.)

Tuuri E. Concerning variation in encoding spatial motion: Evidence from Finnish. *Nordic Journal of Linguistics*, 2023, vol. 46, issue 1, pp. 83–104. (In Eng.)

On Spatial Relationships in the Finnish Language

The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia (project No. 1VG)

Natalia V. Belkina

Associate Professor in the Department of North European Languages

Herzen University

48, Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation. belkina-natalia@yandex.ru

SPIN-code: 9094-6553

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1080-1458>

ResearcherID: HTP-0859-2023

Anna S. Lalym

Associate Professor in the Department of North European Languages

Herzen University

48, Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation. Anna.lalym@yandex.ru

SPIN-code: 3085-5452

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2858-5445>

ResearcherID: HTR-8690-2023

Natalia A. Osmak

Head of the Department of North European Languages

Herzen University

48, Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation. nataliaosmak@herzen.spb.ru

SPIN-code: 5134-8922

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1436-6225>

ResearcherID: AAC-4240-2019

Submitted 10.07.2023

Revised 14.10.2023

Accepted 11.01.2024

For citation

Belkina N. V., Lalym A. S., Osmak N. A. K voprosu o prostranstvennykh otnosheniyakh v finskom yazyke [On Spatial Relationships in the Finnish Language]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 2, pp. 16–27. doi 10.17072/2073-6681-2024-2-16-27. EDN IRWPXV (In Russ.)

Abstract. The study presents a thorough review, conducted from a linguocultural perspective, of the primary principles used in expressing spatial relations in Finnish through linguistic categories and means. It covers the genesis and changes of cases in the Finnish language, paying special attention to those that conveyed spatial meaning at a particular stage of the language development. The issue is particularly interesting as there is an ongoing debate about the application of certain cases owing to the significant influence of dialects in Finnish, which is characterized by an egocentric spatial orientation. The study aimed to explore the instances of diverging spatial representations regarding the direction of actions in different linguocultures, with Finnish and Russian linguocultures taken as examples. The research applied a quantitative analysis approach to examine competing forms, with a corpus of YLE newspaper texts from 2011 to 2020 as the research material. The study analyzed instances of differing depictions through verb-noun pairs and verbs related to sensual and tangible perception (*vaikutelmaverbit*). Additionally, we investigated the variations in verb usage of the latter and the verb 'käydä' ('to go, to visit'), which is generally presented as 'static', but expresses its dynamic qualities in different collocations. The analysis indicates that the system of spatial relations in Finnish is characterized by linguocultural specificity and is expressed grammatically through local and non-local case forms, prepositions, postpositions, and verb-noun syntactic structures. Furthermore, one and the same name in the internal and external case forms may convey not only distinct grammatical but also different lexical meanings. The use of local cases with certain verbs can lend expressions and verbs a figurative meaning that is only loosely connected to position in space.

Key words: Finnish language; spatial relationships; case system; verb control; linguoculturology.